

ВОПРОСЫ ПСИХОТЕРАПИИ

УДК 159.9:615.851

Погодин И. А.

ПЕРЕНОСНАЯ И ДИАЛОГОВО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА «РЫБАКА» В ПСИХОТЕРАПИИ

Статья посвящена обсуждению довольно распространенного в психотерапии феномена «рыбака». Автором анализируется концепция трансфера в качестве причинно-следственного объяснения этого феномена. Описываются ее преимущества и недостатки. Предлагается альтернативный взгляд на проблему «личностной схожести» терапевта и клиента.

Ключевые слова: диалогово-феноменологическая психотерапия, феномен «рыбака», перенос (трансфер), контрперенос (контртрансфер), трансферентные характеристики, феноменологическое поле.

В этой статье остановимся немного на одном примечательном и известном большинству начинающих психотерапевтов феномене. Речь идет о специфике выбора клиентом своего терапевта по принципу «рыбак рыбака видит издалека». Так, многие начинающие свою практику специалисты обнаруживают любопытную закономерность. К ним обращаются клиенты с психологическими проблемами, похожими на их собственные. Обычно это обстоятельство погружает молодых психотерапевтов в печаль и тревогу: «Неужели так будет всегда? И почему это происходит со мной?».

О концепции трансфера

На помощь приходит множество объяснений, наиболее популярное из которых исходит из психоаналитической концепции переноса. Причем, похоже, тревога так сильна, что эта концепция с удовольствием и облегчением заимствуется с потрясающей страстью терапевтами различных направлений. Заимствуется даже представителями психотерапевтических направлений и школ, фокусированных в своих теории и практике не на принципе психического детерминизма, а на феноменологии и диалоге. Но всегда ли экологичен этот процесс? По всей видимости, нет. Более того, иногда это совершенно непростительно. Например, вся суть гештальт-терапии извращается в самом основании, если терапевт всерьез апеллирует к представлениям о трансфере¹. Невозможно жить в пространстве присутственного контакта и переноса одновременно, да и последовательно тоже — эти концепции идеологически антагонистичны. Если психоаналитическая парадигма заботливо предлагает для обращения с метафорой трансфера инструментарий в виде интерпретации свободных ассоциаций и фантазий, то незадачливый гештальт-терапевт, апеллирующий к ней, выглядит как сиротка, получивший игрушку, но совершенно не знающий, как с ней обращаться и куда пристроить. В этом случае, как правило, «рыбак рыбака видит издалека» на протяжении всей психотерапевтической карьеры терапевта.

Размышляя о феномене «проблемной» схожести терапевта и клиента и спасаясь от соответствующей его осознанию тревоги бегством из присутственного контакта в «тихую искусственно-пластмассовую гавань переноса», принято говорить о трансферентных характери-

¹ Трансфер — это прекрасная метафора, созданная психоаналитическим гением для своей парадигмы и идеально подходящая для релевантной ей картины мира. Так же, как и множество других психоаналитических конструктов-метафор — эдипов комплекс, первичная сцена, внутренний объект, плохая и хорошая мать, наконец, Я, Оно и Сверх-Я и пр. Их использование в процессе соответствующей психотерапии очень продуктивно. Но эти метафоры адекватны и полезны лишь в рамках психодинамической детерминистской реальности. За ее пределами они утрачивают свое значение. Если же мы сохраняем искусственным образом за ними методологически фиксированное значение и перемещаемся в пространство феноменологической индетерминистской парадигмы в психотерапии, то мы насилуем поле. Этот процесс, например, вступает в очевидное противоречие с базовыми основаниями гештальт-подхода, согласно которым значение того или иного феномена определяется тем контекстом, в котором он находится в данный момент.

ках. Иначе говоря, именно нюансы поведения и внешнего вида терапевта обуславливают выбор его тем или иным клиентом. Более того, доводя до крайности такого рода бессмысленную эксплуатацию концепции трансфера, некоторые «гештальт-терапевты» любые чувства, желания и выборы рассматривают через призму их «трансферентной природы». В этом месте от гештальт-терапии, похоже, не остается и следа. Не честнее ли признаться, что иногда проявления жизни клиента в контакте с терапевтом и собственные реакции самого терапевта могут пугать, вызывать тревогу, стыд, растерянность, печаль, бессилие и пр. Правда, для этого их вначале следует осознать. Бегство же из присутственного контакта в суррогат его метафоры просто не дает для этого возможности.

Исходя из концепции переноса, для терапевта очень важно понять (слово «осознать» в этом контексте совершенно не годится, потому что сфера осознания уже сужена до туннеля концепции переноса и готовности замечать лишь соответствующие ему феномены) содержание и динамику «трансферентно-контртрансферентных» отношений, чтобы тем или иным образом эксплуатировать это важное знание в интервенциях. Вот тут-то и начинаются все проблемы. Если психоаналитик прибегает к интерпретациям, поступая тем самым вполне последовательно, то «гештальт-терапевт» пытается управлять динамикой контакта на основе известного. Зачастую получается некая пародия на практику психологии самости Хайнца Кохута. Зато терапевт остается в безопасности и не рискует в процессе терапии ничем. Не рискует быть раненым, уязвимым, столкнуться с болью, стыдом и пр. Не рискует даже своим самоуважением, потому что религиозная² по своей базовой природе концепция переноса не предполагает возможности со стороны клиента конфронтировать ее — что бы ни сказал клиент, это лишь подтвердит правильность идеи терапевта. При этом сам терапевт не рискует изменяться и не изменяется. Это оборотная сторона «трансферентизации психотерапии». Полагаю, именно по этой причине диапазон психологической проблематики клиентов, с которой имеют дело такие терапевты, не меняется со временем их практики — «рыбак рыбака, *по-прежнему*, видит издалека».

Диалогово-феноменологическая альтернатива объяснению феномена «рыбака»

Вернемся же к этому феномену психотерапии — психологической схожести терапевта и клиента. Нет ли ему другого возможного объяснения? Полагаю, есть. Исходит оно из теории поля и концепции контакта, принятой в диалогово-феноменологической модели психотерапии. Но это объяснение может оказаться, к сожалению многих психотерапевтов, не очень для них приятным. Что, если эта схожесть появляется лишь в актуальной текущей ситуации контакта? Иначе говоря, упрощая на время язык теории поля, мы сами индуцируем тематику клиентов, а также видим и слышим избирательно только то, что готовы увидеть и услышать. Причем эти факторы я бы предложил рассматривать по отдельности, несмотря на то, что они влияют друг на друга. С одной стороны, именно мы, терапевты, создаем наших клиентов. Напомню, что это один из основных тезисов психотерапевтической феноменологии — «я такой потому, что ты есть». Своими выборами и способами строить терапевтический контакт мы формируем выборы и способы построения контакта клиентом. И это неизбежно. Более того, естественно. И бессмысленно, да и противоположно с этим бороться.

Такое положение вещей естественным образом структурирует феноменологическое поле терапевтического контакта. Оно поддерживает его динамику коллизиями принудительной валентности. Другими словами, процесс «нашего»³ осознания определяется в значительной степени ситуацией — мы готовы осознать лишь то, что предполагает ситуация, а именно, хроническая ситуация низкой интенсивности. Выход за пределы этого порочного круга встречи

---

² Религиозная в том смысле, какой вкладывает в это слово Карл Поппер [1, 2], — в концепцию переноса лишь можно и нужно верить. Проверить же или опровергнуть ее нельзя. Кстати, именно по этой причине этот знаменитый эпистемолог не может присвоить психоанализу статус науки, несмотря на соответствующие притязания его основателя.

³ Слово «нашего» я взял в кавычки по причине, уже обсуждаемой ранее в статье о восстановлении способности осознания. Напомню, что процесс осознания, равно как и его результат, принадлежит полю. Мы являемся лишь агентами поля. Поэтому с некоторой долей условности и учитывая этот факт, мы можем сказать «я осознаю».

двух self-парадигм предполагает все тот же риск и порой титаническое усилие присутствия. Именно по этой причине только через риск терапевта **быть** возможна трансформация ситуации, в которой начинает меняться и клиент. Как же это происходит? Вдруг в процессе психотерапии благодаря риску присутствия терапевт обнаруживает в своих реакциях и представлениях нечто, чего раньше просто не замечал, что равнозначно тому, что этого просто не было ранее в реальности. Размещая этот феномен в переживании, терапевт тем самым трансформирует поле контакта и вносит свой вклад в формирование клиента, который начинает меняться. По крайней мере, получает шанс на изменение.

Другой аспект обсуждаемого нами связан с обратной стороной рассматриваемого феноменологического тезиса. А именно, «терапевт такой, потому что клиент есть». Эта составляющая психотерапевтической феноменологии совершенно несправедливо игнорируется. Мы почти не даем шансов клиенту формировать нас. Диалогово-феноменологическая же психотерапия делает на это особую ставку, призывая терапевта дать возможность клиенту впечатлять и развивать себя. Не только и не столько потому, что терапевт тоже имеет на это право. А по той причине, что в этом, как бы ни звучало это парадоксально, суть психотерапии. Если мы позволим клиенту произвести на нас впечатление, что возможно также лишь в присутственном контакте, то получим шанс на изменение. Тут обе части феноменологического тезиса «я такой потому, что ты есть» смыкаются. В процессе психотерапии с неизбежностью меняются оба. Изменение лишь одного из участников — зачастую лишь иллюзия, которую выгодно поддерживать, чтобы сохранить веру в терапию и самоуважение терапевта.

Считаю, что за счет этого процесса — взаимного формирования участников психотерапии — происходит трансформация феномена «рыбака». Если ваша психотерапия строится по описываемому принципу, то и «типология» клиентов со временем меняется. Если в первые годы практики все ваши клиенты типологически похожи друг на друга и на вас, то со временем спектр клиентских проблем становится понемногу все шире и шире. Феномен «рыбака» исчезает. Завершая обсуждение тезиса о взаимном влиянии терапевта и клиента, еще раз подчеркну самое, пожалуй, важное. Позволение клиенту участвовать в вашем психологическом изменении, повышении чувствительности, расширении осознаваемого, а также восстановлении свободы вашего выбора и творчества является важнейшим условием и механизмом психотерапевтического процесса.

Л и т е р а т у р а :

1. *Поппер К.* Логика научного исследования: Пер. с англ. / Под общ. ред. В. Н Садовского. — М.: Республика, 2005. — 447 с.
2. *Поппер К.* Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 638 с.